

ДВА КОТА

БОЛОГОВ КИРИЛЛ

Кирилл Бологов

Два кота

<https://litres.ru/74681019>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ульяна не планировала заводить кота, а тем более двух. Но теперь её дом — это арена, цирк и поле битвы. И самое шумное, самое мучное, самое счастливое место на свете.

Барсик и Рыжик — два кота и две противоположности. Барсик — аристократ с осуждающим взглядом начальника. Рыжик - огненный ураган, не способный усидеть на месте. Желание проказничать — вот что их объединяет. Особенно когда «помогают» Ульяне. А помогают они, разумеется, в своём кошачьем стиле: сбрасывают шары с ёлки, воруют конфеты и достают муку из шкафа.

Содержание

КАК В ДОМЕ ПОСЕЛИЛОСЬ СЧАСТЬЕ	4
ОПЕРАЦИЯ «НОВЫЙ ГОД»	12
КОТЫ НЯНЬКИ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кирилл Бологов

Два кота

КАК В ДОМЕ ПОСЕЛИЛОСЬ СЧАСТЬЕ

Часть первая: Барсик

Ульяна никогда не планировала заводить кота. Ну, то есть планировала – когда-нибудь, потом, в другой жизни, когда у неё будет большая квартира с панорамными окнами и, желательно, личный садовник. Но жизнь, как известно, не спрашивает о планах. Она просто ставит тебя перед фактом: вот тебе кот. Бери.

Случилось это промозглым ноябрьским вечером. Ульяна возвращалась с работы – уставшая, злая, с пакетом продуктов, который норовил порваться на каждом шагу. Дождь моросил противно и мелко, превращая асфальт в скользкое месиво, а настроение – в мокрую тряпочку.

Она уже почти дошла до подъезда, когда услышала это. Тонкое, жалобное, едва различимое за шумом дождя:

– Мя-а-ау...

Ульяна остановилась. Оглянулась. Никого.

«Показалось», – решила она и сделала шаг к двери.

– Мя-а-ау...

Теперь отчётливее. Откуда-то снизу. Из-под лавочки у подъезда, где дворники обычно сгребали мокрые листья в огромные кучи, сидел он. Маленький, дрожащий, чёрно-белый комок, похожий на мокрую тряпочку для мытья посуды. Один глаз – зелёный, второй – голубой и прищуренный, будто котёнок подозревал всех вокруг в злых умыслах. Что, в общем-то, было справедливо: мир не был к нему добр.

– Ой, – выдохнула Ульяна.

Котёнок посмотрел на неё с таким выражением, будто говорил: «Ну и что ты стоишь? Долго мне тут мокнуть?» – но при этом всем своим видом показывал, что ни на что не рассчитывает. Он не мяукал больше, не полз к ней, не заглядывал в глаза. Он просто сидел и дрожал, сохраняя остатки достоинства. Даже тогда, мокрый и голодный, он держал спину прямо и не позволял себе унижаться.

Ульяна вздохнула. Пакет с продуктами жалобно хрустнул. Дождь усилился.

– Ладно, – сказала она. – Один вечер. Переночуешь – и всё.

Котёнок моргнул. Кажется, он ей не поверил.

Дома Ульяна завернула его в старое полотенце, попыталась отмыть от грязи, накормила остатками куриной грудки из супа и соорудила лежанку из коробки и старого свитера. Котёнок вёл себя на удивление тихо: не шипел, не царапал-

ся, только смотрел своими разноцветными глазами – внимательно, оценивающе, словно ревизор из налоговой, проверяющий декларацию.

– Завтра накормлю и выпущу, – сказала Ульяна себе под нос. – Или отдам в приют. Или... в общем, что-нибудь придумаю.

Котёнок зевнул. С самым невозмутимым видом: «Мол, придумывай, я не тороплюсь».

На следующий день Ульяна купила кошачий корм. Потом лоток и когтеточку. После игрушку-мышку. Через неделю она уже записалась к ветеринару, а через две – придумывала имя.

– Ты какой-то... важный, – сказала она, разглядывая кота. – Будто не мусорку у скамейки, а древнеегипетский храм охранял. Барсик. Барсик... Барон!

Но кот на «Барона» не отозвался. На «Барсика» – лениво повёл ухом.

– Ладно, Барсик. Так уж и быть.

И Барсик – впервые за всё время – мурлыкнул. Глубоко, бархатно, словно где-то внутри у него включился старый, но качественный мотор. Он посмотрел на Ульяну с одобрением: «Ну наконец-то. А то я уже начал думать, что ты никогда не догадаешься».

С того дня Барсик начал превращение. Из мокрого, дрожащего комка – в аристократа. Он вылизывался часами, доводя шерсть до блеска. Он научился сидеть с прямой спи-

ной и смотреть на мир с лёгким пренебрежением. Он перестал прятаться под диван, а вместо этого выбрал себе трон – кресло у окна, и восседал там, словно фараон, взирающий на свои владения. Ульяна иногда ловила себя на мысли, что кот смотрит на неё как на прислугу. Не злобно, нет. Просто... снисходительно. Как на верного подданного, который старается, но до идеала, увы, не дотягивает.

Но по ночам, когда Ульяна засыпала, Барсик приходил к ней. Тихо, неслышно запрыгивал на кровать, сворачивался в клубок у ног и мурчал. Только тогда, в темноте, он позволял себе быть не Бароном, не Фараоном, а просто котом. Котом, который нашёл дом.

Часть вторая: Рыжик

Рыжик появился через год. И появился совсем иначе – без драмы, без дождя, без трагического дрожания под лавочкой. Он просто... вошёл. Как будто так и надо.

Ульяна возвращалась из магазина – на этот раз с двумя пакетами, потому что Барсик изволил кушать только определённый вид корма, который продавался только в одном месте через три остановки. День был солнечный, настроение – приподнятое. У подъезда на тёплом асфальте грелся рыжий кот.

Не котёнок. Взрослый кот, с шикарной шерстью цвета осеннего листопада и зелёными глазами, в которых плескалось что-то... лукавое. Но в тот момент он выглядел сама

безмятежность. Лежал, раскинув лапы, щурился на солнце и всем своим видом говорил: «Жизнь – прекрасна, и я – её лучшее украшение».

– Привет, – сказала Ульяна, просто потому что не здороваться с таким котом было как-то невежливо.

Кот открыл один глаз. Посмотрел на неё. Зевнул. И встал, потянулся и пошёл за ней.

Не побежал, не запрыгал, не начал тереться о ноги с отчаянным мяуканьем. Нет. Он просто пошёл. Ровно, спокойно, будто они были знакомы сто лет и просто возвращались домой вместе. Ульяна остановилась – он остановился. Она пошла дальше – он следом. Как будто между ними протянулась невидимая нить.

– Ты чей? – спросила Ульяна. – У тебя есть хозяева?

Кот посмотрел на неё с выражением: «Какие хозяева? Я сам себе хозяин. Но если ты настаиваешь...»

Она пыталась его прогнать. Честно пыталась. Но кот был настойчив в своей ненавязчивости. Он не лез в дверь, не орал под окнами. Он просто сидел на подоконнике подъезда с таким видом, будто жил тут всегда. И когда Ульяна выходила, он смотрел на неё. Молча. Осуждающе. Как будто говорил: «Ну и где твоя совесть?»

Через три дня она сдалась.

– Только временно, – строго сказала она, впуская кота в квартиру. – Пока не найдётся хозяин. Понял?

Кот кивнул. Или ей показалось. Во всяком случае, он во-

шёл с таким достоинством, будто делал одолжение.

Первая встреча с Барсиком прошла... напряжённо. Барсик сидел на своём кресле и смотрел на пришельца с высоты своего фараонского величия. Рыжик стоял посреди комнаты и смотрел на Барсика с любопытством. Два кота. Два мира. Два характера. Между ними повисла пауза, густая, как сметана.

А потом Рыжик сделал то, чего Ульяна никак не ожидала: он подошёл к креслу, вспрыгнул на подлокотник и... лизнул Барсика в ухо.

Барсик замер. Его разноцветные глаза расширились от ужаса. Он явно не знал, как реагировать: то ли дать лапой, то ли сделать вид, что ничего не произошло. В итоге он выбрал третье: медленно, с королевским достоинством сполз с кресла и удалился на кухню. Рыжик посмотрел ему вслед и, кажется, улыбнулся.

– Ну вот, – вздохнула Ульяна. – Началось.

Первые две недели Рыжик был идеальным котом. Спокойным, ласковым, ненавязчивым. Он спал на подоконнике, ел с достоинством, ходил в лоток без промахов и мурчал так тихо, что его почти не было слышно. Ульяна уже начала думать, что ей невероятно повезло: второй кот оказался уравновешенным и воспитанным.

– Может, ты и правда не доставишь проблем, – сказала она Рыжику как-то вечером, почесывая за ухом.

Рыжик посмотрел на неё. В его глазах промелькнуло что-

то нехорошее. Что-то озорное, что-то говорящее: «Ты ещё не знаешь, на что я способен».

Ульяна не придавала этому значения.

А зря.

На третью неделю Рыжик решил, что успешно прошёл испытательный срок. И что теперь можно быть собой.

Началось всё с малого. Утром Ульяна обнаружила, что её тапки – оба – лежат в разных углах комнаты. Потом кто-то (не будем показывать пальцем) скинул со стола ручку. Затем – чашку. А вечером – всю стопку бумаг, которую Ульяна готовила к отчёту.

А потом Рыжик открыл для себя шторы.

– Нет! – крикнула Ульяна, когда рыжий вихрь впервые взлетел по ткани до самого карниза. – Ты же был таким спокойным!

Рыжик, висая на шторе под потолком, посмотрел на неё с абсолютным счастьем. В его глазах читалось: «Это был спектакль. Теперь – антракт. Начинается настоящее шоу».

Барсик наблюдал за этим из своего кресла. Его морда выражала сложную гамму чувств: от ужаса до восхищения. Он явно не одобрял. Но в глубине души... в глубине души он, кажется, завидовал. Потому что одному быть аристократом скучно. А вдвоём – уже веселее.

С того дня квартира Ульяны перестала быть просто квартирой. Она стала арендой. Цирком. Полем битвы. И – домом. Настоящим домом, где всегда шумно, всегда весело и всегда

что-то происходит.

Вечером, когда оба кота – уставшие после очередного погрома спали на диване, свернувшись в два клубка (чёрно-белый и рыжий), Ульяна сидела рядом с чашкой чая и смотрела на них.

– Вы двое, – сказала она тихо. – Вы просто катастрофа.

Барсик одобрительно приоткрыл один глаз. Рыжик во сне дёрнул лапой, будто за кем-то гнался.

Ульяна улыбнулась. И подумала, что, наверное, это и есть счастье. Не панорамные окна и не личный садовник. А вот это. Два кота. Один – с королевскими замашками. Второй – с ураганом внутри. И бесконечная, шумная, немного безумная жизнь рядом с ними.

Она поставила чашку и пошла спать. Завтра их ждал новый день. И новые приключения.

Потому что два кота – это не просто питомцы. Это стихийное бедствие с усами и хвостами.

ОПЕРАЦИЯ «НОВЫЙ ГОД»

Ульяна была оптимисткой. Не потому, что жизнь была лёгкой, а потому, что иначе было нельзя – с двумя котами в доме либо оптимизм, либо нервный срыв. Она выбрала первое.

До Нового года оставалось две недели. Ульяна достала с антресолей коробку с ёлочными игрушками – ту самую, которую год назад Барсик едва не сбросил на пол, когда в первый раз увидел, как хозяйка достаёт «эту странную штуку с блестящими шариками». Тогда, год назад, она решила: никакой ёлки. Слишком рискованно. Но год прошёл, коты вроде бы уgomонились, и Ульяна подумала: «А почему бы и нет?»

– Только посмотрите, – сказала она, ставя коробку на пол. – Красота какая. Игрушки, мишура, гирлянда...

Барсик сидел на своём кресле и смотрел на коробку с выражением древнеримского сенатора, обсуждающего государственный переворот. Рыжик, напротив, тут же оказался рядом – нос в коробке, лапа в коробке, хвост в коробке. Через секунду он уже вытащил красный шар и погнал его по коридору, как футболист – мяч.

– Рыжик! Это не игрушка!

Рыжик посмотрел на неё с абсолютным непониманием: «Как это не игрушка? Оно блестит. Оно катится. Оно моё».

Барсик, тем временем, спустился с кресла медленно, с достоинством и подошёл к коробке. Он заглянул внутрь. Он понюхал мишуру. Он даже потрогал лапой одну из игрушек – осторожно, как хирург, проверяющий скальпель. А потом посмотрел на Ульяну с выражением: «И ты действительно думаешь, что это хорошая идея?»

– Да, – сказала Ульяна твёрдо. – Я думаю, это отличная идея.

Барсик вздохнул. Так, как может вздыхать только кот, который знает, что впереди случится катастрофа, но ничего не может с этим поделать.

Ёлку они поставили в углу гостиной – небольшую, пушистую, с ровными ветками. Ульяна наряжала её полтора часа, старательно развешивая шары повыше, чтобы коты не достали. Она даже привязала верхушку к карнизу, на всякий случай. Барсик всё это время сидел в стороне и наблюдал. Рыжик носился вокруг, пытаясь поймать гирлянду, которая ещё не была включена.

– Всё, – сказала Ульяна, отряхивая руки. – Готово.

Она отошла на пару шагов, чтобы полюбоваться. Ёлка стояла ровно, шары блестели, гирлянда переливалась. Одним словом – красота.

– А теперь, – строго сказала она, поворачиваясь к котам, – это не трогать. Понятно? Это украшение. Это не игрушка. Это не еда. Это – не-тро-гать.

Барсик моргнул. Рыжик моргнул. Оба посмотрели на неё

с абсолютным, кристальным пониманием.

«Конечно, – говорили их глаза. – Мы всё поняли. Мы не тронем. Мы же не звери какие-то».

Ульяна не поверила ни одному слову. Но устала. И пошла спать.

Ночью Ульяна проснулась от странного звука. Глухого, ритмичного, с металлическим оттенком. Будто кто-то очень маленький и очень настойчивый бил лапой по стеклянному шару.

Она открыла глаза. В комнате было темно, только гирлянда на ёлке мерцала разноцветными огоньками. И в этом мерцании Ульяна увидела картину, достойную кисти Иеронима Босха:

Рыжик сидел на верхушке ёлки. Как звезда. Как ангел. Как маленький пушистый демон, захвативший стратегическую высоту. Он смотрел вниз, на Барсика, который сидел под ёлкой и методично, с расстановкой, сбивал лапой нижние шары – один за другим. Шары падали на пол, но не бились (Ульяна предусмотрительно купила небьющиеся), а катались по комнате, тихо позвякивая.

– Что вы делаете?! – закричала Ульяна.

Рыжик дёрнул хвостом. Ёлка качнулась. Барсик замер с занесённой лапой, как карманник, пойманный с поличным. Оба посмотрели на хозяйку с выражением: «Мы? Ничего. Мы просто... украшаем. Да, точно. Украшаем».

– Немедленно слезь! – Ульяна показала пальцем на Рыжика. – И ты! – палец на Барсика. – Прекрати!

Рыжик начал спускаться. Но не потому, что послушался. А потому, что увидел: гирлянда, которая шла по веткам, заканчивалась где-то внизу, и её можно было поймать. Он прыгнул. Ёлка качнулась сильнее. Шары посыпались дождём. Гирлянда натянулась. Верхушка, привязанная к карнизу, жалобно скрипнула.

– Нет-нет-нет-нет!

Ульяна вскочила с кровати и побежала к ёлке. Но было поздно. Рыжик, вцепившись в гирлянду всеми четырьмя лапами, уже висел на ней, как на лиане. Барсик, оценив обстановку, решил, что это игра, и тоже прыгнул – на нижнюю ветку.

Ёлка наклонилась. Медленно. Словно «Титаник», уходящий под воду. Ульяна успела только выдохнуть: «Ой...»

И ёлка рухнула.

Утро началось с того, что Ульяна, ещё не открыв глаза, почувствовала: что-то не так. Тихо. Слишком тихо.

Она села на кровати. Огляделась. В комнате царил порядок. Ёлка стояла на месте – правда, немного криво, и Ульяна вспомнила, что ночью они с кошками «немного поиграли». Шары были собраны в кучу у стены. Гирлянда висела, как попало. Но в целом – ничего страшного.

«Может, мне показалось?» – подумала Ульяна.

Она вышла на кухню. И замерла.

Барсик сидел на столе. Перед ним лежала открытая коробка конфет – та самая, которую Ульяна спрятала в шкаф, чтобы не соблазняться. Коробка была открыта. Конфеты – наполовину съедены. Фантики аккуратно сложены в стопочку. Барсик смотрел на Ульяну с выражением: «Я не знаю, как это здесь оказалось. Я просто сидел рядом. Охранял».

– Ты... – начала Ульяна. – Ты открыл шкаф? Ты достал конфеты? Ты...

Барсик поднял взгляд, с достоинством адвоката, с железными аргументами: «обвинения голословны».

Рыжик в этот момент выбежал из спальни, неся в зубах... мишуру. Длинную, серебристую, которую он, судя по всему, стащил с ёлки. Он промчался мимо Ульяны, оставляя за собой блестящий след, и скрылся за диваном.

– Стоять!

Ульяна бросилась за ним. За диваном никого не было. Она заглянула под кровать. Никого. В шкаф. Никого. В ванную...

Рыжик сидел в ванной. В раковине. С мишурой, обмотанной вокруг шеи. И смотрел на Ульяну с абсолютным, чистым, незамутнённым счастьем.

– Ты... – Ульяна не нашла слов. – Ты... невероятный.

Рыжик мурлыкнул: «знаю».

К ночи Ульяна сдалась. Она поняла: ёлка – это не украшение. Это аттракцион. И коты – не хулиганы. Они просто исследуют. Изучают и тестируют на прочность.

Она переставила ёлку в угол, подальше от мебели. Убра-

ла все бьющиеся игрушки. Оставила только мягкие, небьющиеся, и гирлянду – на самом верху. Конфеты перепрятала. Шкаф закрыла на ключ. Ключ убрала в ящик.

«Теперь-то всё будет спокойно» – подумала она.

Ночью она проснулась от того, что кто-то очень настойчиво пытался открыть дверцу шкафа. Скрип. Пауза. Скрип. Пауза. Скрип.

Ульяна включила свет.

Барсик сидел перед шкафом. Сосредоточенно. Целенаправленно. Он смотрел на дверцу так, будто она была его личным врагом. Рядом сидел Рыжик. И наблюдал. С восхищением. Как ассистент, наблюдающий за работой великого мастера.

– Вы... – Ульяна вздохнула. – Вы серьёзно? В три часа ночи?

Барсик обернулся. Посмотрел на неё. И в его глазах читалось: «А что? У меня есть цель. У меня есть план. У меня есть ассистент. Всё по науке».

– Ладно, – сказала Ульяна. – Победа за вами. Но конфеты – мои.

Она взяла коробку и унесла в спальню. Закрыла дверь. Легла. И только тогда, наконец, услышала тишину.

Котам было чем заняться. Они нашли мишуру.

Новый год они встретили втроём. Ульяна, Барсик и Рыжик. Ёлка стояла в углу – кривая, но живая, с гирляндой на верхушке и мягкими игрушками на ветках. Конфеты лежали

на столе – открытые, но не тронутые (коты уже поняли, что шоколад – не еда). Под ёлкой лежали подарки – для Ульяны, для Барсика (новая мышка) и для Рыжика (новая мишура, которую он уже успел стащить и унести под диван).

– С Новым годом! – сказала Ульяна, поднимая бокал с шампанским.

Барсик сидел на кресле. Смотрел на неё с королевским одобрением. Рыжик носился по комнате, пытаясь поймать гирлянду.

– Вы - катастрофа, – сказала Ульяна. – Но вы - моя катастрофа. И я вас люблю.

Барсик мурлыкнул. Рыжик замер на секунду, посмотрел на неё, а потом снова продолжил бегать.

За окном шёл снег. Гирлянда мерцала. Коты были рядом. И это было счастье.

КОТЫ НЯНЬКИ

Всё началось с телефонного звонка. Ульяна как раз пила кофе – тот самый момент утренней тишины, когда коты ещё не проснулись и не начали свой ежедневный квест по разрушению квартиры. Барсик спал на кресле, свернувшись в идеально круглый чёрно-белый шар. Рыжик – на подоконнике, раскинув лапы в позе морской звезды.

– Ульяна? Привет! Это Маша!

Ульяна чуть не поперхнулась кофе. Машка – её лучшая подруга с институтских времён – жила в Питере, и звонила она обычно только по двум поводам: либо случилось что-то очень хорошее, либо что-то очень плохое.

– Машка! Сколько лет! Ты как?

– У меня всё отлично! Слушай, мы с Кирюшей хотим приехать на новогодние праздники. На пару дней. Ты не против?

Ульяна поставила чашку. Кирюша – сын Машки. Ему было четыре года. Ульяна видела его только на фотографиях в соцсетях, и на этих фотографиях Кирюша выглядел как маленький ураган: везде, где он появлялся, что-то было разбито, сломано, перевёрнуто или залито.

– Конечно, приезжайте! – сказала Ульяна. – Я буду рада.

Она сказала это искренне. Но потом посмотрела на Барсика. Потом на Рыжика. Потом снова на Барсика.

– Только у меня коты, – добавила она. – Двое.

– Ой, это же здорово! Кирюша обожает животных! Он их просто... обожает.

Ульяна повесила трубку и вздохнула. «Обожает» – это хорошо. «Обожает» – это прекрасно. Но если Кирюша обожает животных так же, как коты обожают шторы, то квартира не переживёт этих выходных.

Ульяна готовилась к приезду гостей как к военной операции.

Она убрала все быющиеся предметы с нижних полок. Спрятала провода. Закрыла шкафы. Купила детские игрушки, чтобы отвлечь Кирюшу от котов, а котов – от Кирюши. Поставила на видное место коробку с конструктором. И, самое главное, провела с котами разъяснительную беседу.

– Так, – сказала она, усадив обоих на диван. – Скоро придут гости. Маленький мальчик. Ему четыре года. Он не умеет обращаться с котами. Он может вас случайно схватить, погладить против шерсти, уронить или даже укусить.

Барсик смотрел на неё с выражением: «И зачем ты нам это рассказываешь?»

Рыжик пытался поймать муху, которая залетела в комнату.

– Я серьёзно! – Ульяна щёлкнула пальцами. – Не шипите. Не царапайтесь. Не кусайтесь. Просто... будьте хорошими. Пожалуйста.

Барсик смотрел на Ульяну, словно говорил: «Я всегда хо-

роший. Это он, (взгляд на Рыжика) не всегда».

Рыжик наконец поймал муху. И съел её. Потом посмотрел на Ульяну с выражением: «Что? Я слушаю. Продолжай».

Ульяна вздохнула. Беседа явно не удалась.

Машка с Кирюшей приехали пятого января, днём. С двумя огромными чемоданами, пакетом подарков и Кирюшей, который висел на маминой руке, как маленькая обезьянка.

– Ульяна! – Машка обняла подругу. – Ты не представляешь, как я рада!

Кирюша посмотрел на Ульяну. Потом на квартиру. Потом – на Барсика, который сидел на кресле и наблюдал за гостями с высоты своего фараонского величия.

– КОТ! – закричал Кирюша.

Он спрыгнул с маминой руки и побежал к креслу. Барсик замер. Его разноцветные глаза расширились от ужаса. Он явно не ожидал, что это маленькое существо окажется таким громким. И таким быстрым.

– Кирюша, не трогай кота! – крикнула Машка.

Но было поздно. Кирюша уже стоял перед креслом и тянул руки к Барсику. Тот вжался в спинку кресла, пытается слиться с мебелью. Его морда выражала сложную гамму чувств: от ужаса до оскорблённого достоинства.

– Он мяукает? – спросил Кирюша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.